

Остановить взгляд на камчатском поэте, которого поглотила пучина 1990-х годов, меня заставили определенный долг и личное знакомство. Выяснение величины его таланта еще предстоит будущим исследователям, но основные вехи творчества Бориса Головина способны натолкнуть читателей на аналитические выводы о постижении поэзии и месте авторов прошлого в осмыслении природы сочинительства.

Борис Александрович Головин окончил Ставропольский педагогический институт, на Камчатке работал тренером по футболу и хоккею с шайбой, также на рабочих специальностях, был известен как участник литобъединения «Земля над океаном» и автор книжки стихов «Рябиновые гроздья», выпущенной на кассете в 1986 году Камчатским отделением «Дальиздата». Жизнь поэта ценна опытом, пройденными испытаниями, и, возможно, ее уроки пригодятся всем настоящим авторам в сотворении личного пути и бережном отношении к своему таланту.

Дебютировав в 1981 году в сборнике «Камчатка», Борис Головин быстро вошел в литературную жизнь Камчатки. Отзывы и отклики, популярность у читателей, оригинальный слог и поэтические навыки, эрудиция, культурная основа стали подспорьем для продолжения творческих исканий. Темы выбирал самые разнообразные: о Камчатке, море, спорте, детстве, войне, природе, любви к женщине, много было посвящений. Душа стремилась объять больше пространства, идей, посвятить талант родному краю, щедро, без остатка воспитывать молодежь, восхвалять трудовые подвиги земляков. Поэтическое завещание автора обширно, но особняком стоит стихо-

творение 1990 года «Есенинский шушун». Эмоционально разобран по частям мятежный дух прославленного поэта Руси. Погружение в тему, искренние переживания, душевный отклик на драму и понимание трудной судьбы классика по-новому отражают и собственную жизнь Головина. Стихи соответствуют требованиям чистоты стиля, образности, творческим порывам и вхождению на грань вдохновения.

Когда-то сын, известнейший поэт,
В чаду кабацком, помнящий напевы
Далекой матери, сводил на нет
За зельем свои взвинченные нервы.
Он помнил дом свой и вишневый сад,
Тоска его изматывала долго –
И он письмо старушке написал
С мятежною распахнутостью долга.

Стихия жизни нашла пристанище в думах, обуздав неспокойные буйные страсти, нежную русскую душу и жестокость внешнего мира.

Храни, храни, шушун, его тепло,
Храни письмо о сердце материнском!
Поэту в жизни часто не везло
За то, что к Лире был предельно взыскан,
За то, что так влюблен был в отчий край,
За то, что так метался одиноко,
За то, что не нашел земной свой рай,
За то, что в нашу жизнь вошел без срока.

По-иному складывались отношения в поэзии Бориса Головина с камчатской тематикой. Любовь к суровому нраву природы, олицетворение символов и предметов,

тонкое чувствование переменчивых настроений слились в единство в стихотворении «Корабли». Жизненность выбора каждого слова, точность рифм, приземленность выражения эмоций наполняют высказывание волшебным смыслом неизменной красоты и простой ясности.

Чтоб работающими штормами
Проверить стойкие бока
И повернуть усталых к маме,
Ласкающей их берега.
Они вернутся, курс не спутав,
Переборов отцову спесь,
И снова их проводит бухта
В который раз, в который рейс.
И снова рейс их дух иссушит,
Преградами снабдив сполна,
У кораблей мятежны души
И жизнь, как у людей, одна.

Незримо поэт все свое творчество посвятил любви. Но в отдельных стихотворениях особенно отчетливо слышны боль, выстраданность желанного чувства, как гимн великой зависимости от отношений людей, находящихся отдушину в вечной борьбе мужского и женского начал.

Опыт любовный на бумаге претворился в манифест правды, важно здесь честно принять себя как источник ярких чувств, положенных на алтарь знаний, сугубой честности и истинности намерений.

Любовь – сплетенье, и венец,
И отторжение, и влечение.
Она связует, наконец,
Двух душ великое свечение.

И только тот, кто видит новь
В грядущем, постигая радость,
Возьмет ее, святую, вновь
И ею осенит усталость –
Усталость лет, но нет, не чувств:
Ведь двум сердцам нельзя жить розно!
Прикосновенье тихих уст
Для любящих всегда не поздно.

Все слова подчинены игре, веселости духа, проникновению друг в друга, святости непреложного чувства и дружеского взаимопонимания.

Ошарашь-ка невзначай
Варежкой со снегом,
Мои кудри раскачай
Голосистым смехом,
Замани в сугроб большой,
Шапку к носу сдвинув, –
С жаркою твоей душой
Я ль в снегу остыну?
Чертыхаясь, отниму
Шарф, скрывавший губы,
И, притихший, все пойму.
– Поцелуй же, глупый...

Принять себя в несовершенстве, сложную, приносящую тревоги любовь, горячо любимую девушку, в отречении помех, комплексов, ссор и огорчений – значит очистить дорогу в будущее, допустить слияние беспокойных сердец, заслуженное личное счастье.

Мне не нужно восторгов начальных.
Я хочу, чтоб, сомненья гоня,
Твои руки на шумном причале
Обнимали неслышно меня.

Вижу: бриз над весенней Авачей
Освежает излучинки глаз.
Я тебя не представлю иначе –
Слишком много штормящего в нас.

Я запомнил Бориса Головина ярким, безудержным, веселым человеком, уверенно шагающим по жизненному пути, неизменно в черном развевающемся пальто, словно и не было трудных испытаний, тревог и душевных беспокойств талантливого поэта. Выражаясь, что только «монтировал стихи», он понимал, что стихами входит в жизнь каждого читателя, берет ответственность за его мысли, эмоции, чувства, бережет от потрясений жизни, бед и несчастий, любит самозабвенно, раз и навсегда, согревает всех нас своей большой творческой душой.